

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.9>

Берберова Лиана Бурхановна

ПРОБЛЕМАТИКА И ПОЭТИКА ПОВЕСТИ З. ТОЛГУРОВА "БЕЛАЯ ШАЛЬ"

В рамках онтологической поэтики в статье проанализирована повесть балкарского писателя Зейтуна Толгурова "Белая шаль". В работе акцентировано внимание на повторяемости исторических событий, содержащих в своей основе вызов и ответ. Обнаруживается много общего между советской культурной революцией и современными глобализационными процессами, которые в одинаковой степени отчуждают человека от родной земли, деформируют его этническую идентичность, демонтируют патриархальную систему ценностей. Основная философская идея исследуемой повести - сохранение базовых духовно-этических констант в модернизирующемся мире. Автор уделяет большое внимание расшифровке символического значения "белой шали" - ключевого образа в повести.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/12/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 12. С. 48-51. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

BIOGRAPHICAL GENRE IN A. PUDIN'S DRAMATURGY

Antonov Yurii Grigor'evich, Doctor in Philology, Associate Professor
National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk
antonov-ug69@yandex.ru

The article is devoted to analysing A. Pudín's biographical plays "Sibelius's Fourth Symphony", "Don Stefano", "Oh, Marten Plays...". The study focuses on describing the author's artistic techniques and identifying the nature of dramaturgical conflict. The following distinctive features of A. Pudín's plays are identified: personages' creative biography is considered through the lenses of their spiritual world; monologue as a means of the character's psychologization; characters' internal motives determine the nature of conflict and storyline development; external historical and political factors influencing the hero's tragic destiny.

Key words and phrases: A. Pudín; dramaturgy; biographical genre; play; personage; conflict; historical figure.

УДК 82

Дата поступления рукописи: 16.10.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.9>

В рамках онтологической поэтики в статье проанализирована повесть балкарского писателя Зейтуна Толгурова «Белая шаль». В работе акцентировано внимание на повторяемости исторических событий, содержащих в своей основе вызов и ответ. Обнаруживается много общего между советской культурной революцией и современными глобализационными процессами, которые в одинаковой степени отчуждают человека от родной земли, деформируют его этническую идентичность, демонтируют патриархальную систему ценностей. Основная философская идея исследуемой повести – сохранение базовых духовно-этических констант в модернизирующемся мире. Автор уделяет большое внимание расшифровке символического значения «белой шали» – ключевого образа в повести.

Ключевые слова и фразы: балкарская литература; Зейтун Толгуров; повесть; «Белая шаль»; поэтика; символика; гендерная асимметрия; контексты; константы; глобализация.

Берберова Лиана Бурхановна, к. пед. н.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва
berberova.liana@yandex.ru

ПРОБЛЕМАТИКА И ПОЭТИКА ПОВЕСТИ З. ТОЛГУРОВА «БЕЛАЯ ШАЛЬ»

В наш век стремительных исторических перемен, связанных с процессами глобализации, особую актуальность приобретают произведения, в которых «прописана» доля архаического и современного, гарантирующая здоровую и созидательную диалектику социального развития. Российская история не единожды запечатлела случаи перегибания палок в фанатичном рвении построить новый мир, «до основания разрушив старый». Это касается вопросов колхозного строительства, экологической коллизии и гендерной культуры.

Как в зарубежной, так и в отечественной литературе можно насчитать десятки авторов, приверженных здоровому консерватизму в решении названных проблем. Среди них – У. Фолкнер («Шум и ярость»), Т. Уайлдер («Мартовские иды»), Г. Г. Маркес («Сто лет одиночества»), М. Шолохов («Поднятая целина»), В. Распутин («Прощание с Матерой») и другие. В этом ряду находится и повесть классика карачаево-балкарской литературы Зейтуна Хамидовича Толгурова «Белая шаль», изданная в 1982 г. в Москве в авторизованном переводе с балкарского А. Богданова.

Актуальность статьи обусловлена необходимостью с высоты XXI века переосмыслить содержание данного произведения, поскольку советской критикой, сосредоточенной на вопросах классовой борьбы, были проигнорированы его историко-философские аспекты. **Научная новизна** статьи заключается в применении инновационных методов анализа художественного текста, позволяющих раскрыть глубинный подтекст произведения. Здесь речь в первую очередь идет об онтологическом подходе к произведению, предусматривающему анализ «поэтологических средств», в которых содержатся «философские откровения автора» [10, с. 12]. Статья может быть полезной при изучении закономерностей развития северокавказской прозы, а также при составлении учебников, лекционных курсов и спецкурсов по истории литературы народов Российской Федерации.

Цель настоящей статьи – исследовать проблемно-тематический комплекс произведения, неразрывно связанный с его онтологической основой. Для достижения этой цели предполагается решение следующих **задач**: определить специфику художественного конфликта повести; рассмотреть образ главной героини; выявить ключевые символы и раскодировать их значение; идентифицировать «обучающий слой» произведения.

Начнем с того, что повесть «Белая шаль» – поликонфликтное произведение, в котором в единый узел завязаны противоречия между селом и городом; природой и экстенсивными производственными силами; а также патриархальным этическим кодексом и ростками нарождающейся в горах феминистической идеологии.

Время действия в повести – 1970-е годы. Место действия определяется наличием двух полярных топосов (высокогорный аул и столица одной из южнороссийских республик), которые, собственно, и продуцируют

суть главного конфликта. Урбанистическая цивилизация размывает все уровни сельского бытия, не оставляя «камня на камне» на его идентичности.

С первых же страниц автор использует прием «герой-свидетель» и дает читателю возможность посмотреть на «нравы города» глазами пожилой горянки по имени Ожий. Ее многое шокирует в нравах горожан, вчерашних горцев, которые с настораживающей легкостью расстались с национальными этикетными нормативами: не здороваются с соседями, не носят национальную одежду, праздно проводят время. Мужчины, которые раньше на заре отправлялись на охоту и возвращались с добычей, теперь с декоративными собачками гуляют в парке [7, с. 4] или торгуют на рынке домашней птицей [Там же, с. 9].

«Горянка в городе» – отдельная большая тема, магистральной линией проходящая через всю повесть З. Толгурова. Прежде скромные, воспитанные в рамках традиционного общества длиннокосые девушки, по автору, попадая в разлагающую среду города, полную соблазнов и пороков, быстро меняют свой внешний и внутренний облик. Вот характерное описание главным героем переродившихся горянок: «Он обратил внимание на девушку лет восемнадцати, сидевшую напротив. Светлые, явно обесцвеченные чем-то волосы, длинные накладные ресницы, подведенные глаза, высокий начес, густо покрытый лаком и застывший над лбом высокой копной; казалось, стоит лишь слегка дотронуться до нее, и копна распадется... Впрочем, и прической, и косметикой, и одеждой эта девушка мало чем отличалась от всех прочих. Лица были разные, девушки – непохожие друг на друга. И одновременно – какие-то одинаковые... Две девушки стояли у окна в обществе щегольски одетого парня с усиками, о чем-то разговаривали, смеялись и курили, пуская дым кольцами» [Там же, с. 64].

Здесь следует отметить, что писатель во всех своих произведениях чрезвычайно внимателен к костюму как внешнему маркеру внутренних морально-этических ценностей человека. Как некий знак грядущей социокультурной катастрофы он воспринимает легализацию брюк в гардеробе женщины. В романе «Белое платье», где описывается трехпоколенная семья, состоящая из женщин, младшая нарушает гендерные традиции, сменив белое платье на «лосины, водолазку», и этот новый “look” характеризует в ее случае и необратимую морально-духовную деградацию.

В анализируемой повести ключевым символом социально одобряемых представлений о женственности является белая шаль, которую, как некую охранную грамоту, мать торжественно вручает дочери, отправляющейся на учебу в город – «рассадник человеческих пороков» [Там же, с. 128]. По ее мнению, главная беда города заключается в том, что «равнодушны люди друг к другу, не знакомы меж собою. Вот если бы каждый друг друга знал, как в ауле, тогда бы и ссор не было, и обмана» [Там же, с. 129]. Представительнице патриархального мира кажется, что отсутствие «соборности» и «родоплеменного» контроля – первопричина духовной деградации молодежи.

Белая шаль – поликонцептуальный образ в романе. Издревле он символизировал на Востоке (в том числе на Северном Кавказе) женскую честь, женское достоинство. Цветовая символика и сакральная сила, увязанные с кодом материнства, наделили шаль выраженными миротворческими функциями. По свидетельству историков, шалью, брошенной между противниками, можно было остановить кровопролитие, акцию кровной мести, братоубийственную войну. Антивоенная направленность национального символа отмечается героиней романа: «Шаль чуда делает. Вот когда мужчины ссорятся или дерутся, никто их не остановит, – а как белая шаль ляжет между ними – сразу останавливаются» [Там же, с. 86]. На миссию сакрального предмета обратили внимание и современные гендерологи: «Именно белые платки женщин, брошенные между враждующими сторонами, навсегда и повсеместно стали величественными символами прекращения вражды и ненависти между народами» [6, с. 14].

Белая шаль на голове героини – это знак ее верности традиционной культуре, проявление ее Вечной Женственности, передающейся через поколения. Недаром главный герой влюбляется в Фатимат именно в момент, когда видит ее в белоснежном головном уборе. Для него это не просто кусок белой шелковой материи, но целый культурологический текст, повествующий о чистоте ее души и системе ее ценностей. И самое главное: в платке она молодому человеку напоминала его любимую маму, которую он потерял еще в детстве.

Белая шаль в повести – эстетически подвижный образ. Платок интертекстуально напоминает ставший уже литературным архетипом «портрет Дориана Грея», на котором, как известно, отпечатывалось каждое порочное злодеяние уайльдовского героя. Типологически сходные трансформации происходят и с сакральным платком: он начинает желтеть, тускнеть и терять прежнее очарование по мере морального разложения толгуровской героини.

Экологическая проблема также неразрывно связана в повести с символикой белого платка. Недаром ассоциативно по цвету платок «рифмуется» с белоснежными вершинами Главного Кавказского Хребта, с двуглавым Эльбрусом, издревле символизирующим вечные ценности «отцов-основателей» и чистые помыслы людей.

По этому поводу в повести есть примечательный эпизод, связанный с березовыми саженцами, которые на лесной поляне высадила Фатимат. Девушка, буквально как Маленький принц, ухаживающий за своей розой, заботилась о них. Однажды она с Мажитом возвращалась с прогулки, и неожиданно началась сильнейшая гроза с градом. Молодые люди кинулись защищать нежные создания от тяжелых градин. В экстремальной ситуации, когда под рукой не оказалось надежного щита, Фатимат резко «скинула с головы свою белую шаль, дала один конец Мажиту, и они натянули ее над березами. Град глухо барабанил по шали, колотил их по спинам, по головам. Вначале они держались стойко. Но град бил нещадно, так что Фатимат даже заплакала. Плакала, но шаль не выпускала» [7, с. 86].

Очевидно, что в процитированном фрагменте белая шаль играет роль экологического заступника за природное совершенство. Она воспринимается как дух самой Матери-Природы, которая оберегает от злых

деструктивных сил все доброе, слабое, незащищенное на земле. С философской точки зрения этот ключевой образ в толгуровской повести «играет роль навигатора сознания» [8, с. 153].

Люди, живущие в горах, издревле умели вписаться в хрупкую альпийскую систему, где каждое жилище, напоминающее гнездо птицы, становилось частью скалы. У горцев были рукотворные террасные огороды. Они бережно относились к флоре, фауне, даже охотники лишнего себе не позволяли. Процессы, связанные с коллективизацией и индустриализацией, катастрофическим образом разрушают это хрупкое равновесие между природой и хозяйственной деятельностью человека. Как показывает З. Толгуров в своей повести, у новоделов потребительско-прагматическое отношение к природе. Им недосуг разбираться с тонкостью почвенного слоя в горах, поэтому после первой же фронтальной вспашки дождевые потоки смыывают почву, обнажая бесплотные скальные выступы.

Другая проблема – сужение ареала сенокосных угодий строительством туристических баз, которые помимо экономического урона наносят местному населению и ущерб морально-нравственного порядка, причая их к мысли, что праздность – это норматив бытия.

Мировой цивилизации свойственно развиваться согласно закону «отрицание отрицания», предопределяющему естественный отказ общества от морально отживших свой срок средств производства в угоду новым артефактам. Социум, основанный на принципах разума и высокой культуры, всегда найдет гуманные способы для осуществления такого рода исторически неизбежных перемен. Морально незрелое же общество в погоне за прозрачными целями наломает много дров.

Реалист З. Толгуров в своей повести с леденящими душу натуралистическими подробностями воспроизводит картину физического уничтожения-истребления вьючных животных (осликов) в южных республиках Советского Союза, которые стали лишними после появления грузовиков, тракторов, комбайнов. «Топот, крики ослов, ружейные выстрелы сливались воедино. Гылыу осторожно повернул зрячий глаз в сторону шума: так и есть, ослы убежали. Но гремели выстрелы – и какой-то из них вдруг замирал на месте, потом падал, бил копытами по воздуху, поднимал было голову – и тут же ронял ее...» [7, с. 56].

Из того же логического ряда в повести приводятся интересные факты, связанные с культом планового хозяйствования, когда с каждого руководителя колхоза требовалось необоснованно завышенное количество продукции. Лозунг «План – превыше всего» приводил к извращенным представлениям о социалистическом развитии, необратимым экономическим потерям, уничтожению самого фундамента сельского хозяйства. С критической точки зрения в повести описываются действия типичного горе-руководителя колхоза. Желая во что бы то ни стало вывести свой колхоз на уровень передовика, он распорядился пустить под нож почти все имеющееся в хозяйстве поголовье дойных коров. Во время второй акции он ради удержания звания передового колхоза стал в приказном порядке отправлять на убой крупный рогатый скот из личного подворья колхозников. На третий раз, естественно, наступает полное банкротство наряду с позором, праведным гневом сельчан и ожидаемыми судебными разбирательствами.

Кстати, философски обобщая все подобного рода абсурдные, алогичные действия советских фанатов «выполнения и перевыполнения плана», И. Бродский написал глубоко символические строки, проникнутые горькой иронией: «Зачем нам рыба, если есть икра?» [1, с. 53].

Своеобразной прозаической иллюстрацией к словам русского поэта-авангардиста выглядит эпизод из повести балкарского писателя, где председатель колхоза после преступной отправки на мясокомбинат всего поголовья стельных коров приезжает на животноводческую ферму и к дояркам, в одночасье ставшим безработными, обращается с абсурдным вопросом: «Ну, как надои, девчата?» [7, с. 118].

Системный кризис, охвативший кавказские аулы, наравне с умирающими российскими деревнями, в повести З. Х. Толгурова органично дополнен и гендерной проблематикой. Трагедия главной героини Фатимат заключается в том, что она оказалась «между селом и деревней», то есть не смогла примкнуть ни к одному из берегов. С социально-профессиональной точки зрения, казалось бы, она сделала все, чтобы стать счастливой: успешно окончила вуз, стала врачом, готова вернуться в родной аул и заняться благородным делом – лечить людей. Но в ауле, попавшем в разряд «бесперспективных сел», так и не достроили обещанную больницу. Она вынуждена ради работы остаться в городе. По художественной версии автора, городская среда обитания постепенно размывает в Фатимат архетипическое представление о женственности. Она – самостоятельная личность, готовая нести ответственность за свои поступки и свой выбор в жизни. Жених же с его патриархальным мировоззрением и кучей предрассудков в голове не приемлет «новую» Фатимат – эмансипированную, свободно мыслящую, ориентирующуюся на западные ценности. Автор-мужчина, конечно, «наказывает» свою героиню за отход от традиционной социально-гендерной роли, предписанной ей горским обществом. В итоге Фатимат, в страхе остаться одинокой, выходит замуж за нелюбимого престарелого вдовца.

Фатимат – трагический образ в романе З. Толгурова. Ее гендерная и человеческая трагедия предопределяются в романе в первую очередь цивилизационным разломом, прошедшим между городом и деревней, архетипическим и инновационным, маскулинным и фемининным. Как видим, линия разлома развела по обе стороны и влюбленных, которым не хватило культуры эроса. Здесь считаем уместным процитировать отечественного философа, культуролога и литературоведа Г. Д. Гачева, который, касаясь любви как антропологической проблемы, пишет: «Но вот нынешняя грозная демографическая ситуация в России, когда катастрофически падает рождаемость, распадаются семьи, умножаются разводы... – ставит во всей остроте вопрос о непродуманности проблем Эроса в нашей культуре. И повинно в этом, в частности, ханжески-чистоплюйское отношение к культуре Эроса в нашей мысли и в литературе последних десятилетий. Между тем тут именно культура должна выработаться, а не слепота и закрывание глаз страусиное» [2, с. 7].

Касаясь экспрессивных средств, в первую очередь следует отметить антитезу, которая часто используется автором для того, чтобы подчеркнуть конфликт разносистемных культурных ценностей. В основном это контекстуальная антитеза, которая обозначает контраст между традиционным и инновационным, провинциальным и урбанистическим: «белая шаль – красная знамя», «убитая перепелка – сильный охотник», «молодые березки – крупный град», «почва – бульдозер», «ослик – волчья стая», «арба – машина», «плетень – железная изгородь», «айран – кофе», «птица – клетка», «горная тропа – асфальтированная дорога» и др.

Художественный смысл антитез заключается в манифестации высшей формы диалектики, которая органически сочетает в себе переменчивость и устойчивость. Как отмечают современные литературоведы, «смысл изменениям в значительной степени придают константы, которые представляют собой не просто мертвенно-гранитную твердь, а феномены, которые мучительно долго выкристаллизовывались в результате многотысячелетней эволюции» [3, с. 4]. Под константами в данном случае подразумевается «целостная и завершенная система ценностей, которая поддерживает порядок и гармонию, регулирует нравственные законы и не допускает хаоса в духовном пространстве» [4, с. 39].

Отдельных слов благодарности заслуживает переводчик повести на русский язык Альберт Богданов, который с максимальным вниманием отнесся к национальному своеобразию произведения и тщательно воспроизвел в переводе все этнокультурные составляющие балкарского текста, в том числе «особенности коммуникативного поведения, продиктованные древнейшим горским этикетом» [Там же, с. 21].

Таковы в целом основные художественные координаты повести З. Х. Толгурова «Белая шаль». Это поликонфликтное произведение, где обозначено столкновение деревни и города, восточного и западного, патриархального и инновационного. Онтологический статус главной героини с трагическими осложнениями в личной судьбе определяется ее специфическим положением на перекрестке истории. Автор не использует в повести термин «феминизм», но вопросы женской эмансипации занимают в ней центральное место. В качестве ключевых символов в повести выступают «белая шаль» и «ростки берез», ассоциативно связанные с проблемой сохранения этнической идентичности перед лицом надвигающейся глобализации. «Обучающий слой» произведения заключается в призыве автора различать должное и недолжное в период стремительных исторических перемен. В вопросах гендерной асимметрии автор склонен придерживаться «принципа золотой середины» [9, с. 181]. Несмотря на то, что повесть была создана на родном языке в 1970-е годы, поднятый в ней комплекс этических, социальных, онтологических проблем не устарел. Наоборот, мысли автора об этнокультурных константах обретают новый облик, новую глубину и новые культурные смыслы.

Список источников

1. **Бродский И.** Стихотворения. Мрамор. Набережная неисцелимых. СПб.: Азбука; Азбука – Аттикус, 2015. 1024 с.
2. **Гачев Г.** Русский Эрос. М.: Интерпринт, 1994. 279 с.
3. **Гутов А. М.** Константы в культурном пространстве. Публицистика. Фольклор. Литература. Нальчик: Эльбрус, 2011. 216 с.
4. **Кучукова З. А.** Онтологический метакод как системообразующий принцип этнопоэтики (на материале карачаево-балкарской поэзии): автореф. дисс. ... д. филол. н. Нальчик, 2006. 42 с.
5. **Кучукова З. А.** Поэзия Кайсына Кулиева в русских переводах (к проблеме передачи национального колорита): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1992. 21 с.
6. **Пушкарева Н. Л., Текуева М. А.** Прошлое определяет настоящее? // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее: мат-лы Шестой международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории (3-6 октября 2013 г.): в 2-х т. Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, 2013. Т. 1. С. 12-15.
7. **Толгуров З. Х.** Белая шаль: повести. М.: Современник, 1982. 335 с.
8. **Тхагапсоев Х. Г., Мосолова Л. М., Леонов И. В., Соловьева В. Л.** Идентичность как навигатор сознания: монография. СПб.: Астерион, 2016. 170 с.
9. **Хараева Л. Ф., Кучукова З. А.** Гендер и этногендер (на материале кабардинской женской прозы). Нальчик: Принт Центр, 2018. 192 с.
10. **Шогенцукова Н. А.** Опыт онтологической поэтики. М.: Наследие, 1995. 232 с.

PROBLEMATICS AND POETICS OF THE NOVEL “THE WHITE SHAWL” BY Z. TOLGUROV

Berberova Liana Burkhanovna, Ph. D. in Pedagogy
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow
berberova.liana@yandex.ru

Within the framework of ontological poetics, the author analyses the novel of the Balkarian writer Zeytun Tolgurov “The White Shawl”. The article aims to show repeatability of historical events developing according to the “challenge – response” scheme. There is much in common between the Soviet cultural revolution and modern globalization processes, which alienate a person from his native land, deform his ethnic identity, ruin the patriarchal system of values. The main philosophical idea of the analysed novel is preservation of the basic spiritual and ethical constants in the modernizing world. The researcher’s attention is focused on decoding the symbolic meaning of “white shawl” – the key image in the novel.

Key words and phrases: Balkarian literature; Zeytun Tolgurov; novel “The White Shawl”; poetics; symbolism; gender asymmetry; contexts; constants; globalization.